

Алексей Северсталеv

СЫН

Алексей Северсталеv

СЫН

«Автор»

2026

Северсталеv А.

СЫН / А. Северсталеv — «Автор», 2026

Капитан Белоусов, специалист войск радиэлектронной борьбы, незадолго до своего отпуска неожиданно становится участником реального боевого задания в группе по установлению обстоятельств возникновения загадочного купола над неким укреплённым районом врага. Ему предстоит пройти подготовку, отправится на линию боевого соприкосновения и выяснить природу этой аномалии, которая мешает войскам идти в наступление, собрать информацию и сообщить в штаб подробности.

© Северсталеv А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Северсталеv

СЫН

Алексей Северсталеv
СЫН

Содержание

Глава 1. Тревожные мысли	3
Глава 2. Подозрительный боец	22
Глава 3. Приглашение «Чародея»	29
Глава 4. Неприятный разговор	32
Глава 5. Старые знакомые	35
Глава 6. Внеплановое построение	47
Глава 7. Инструктаж	64
Глава 8. Личный состав	78
Глава 9. Непростая подготовка	90
Глава 10. Бесплезная нерешительность	102
Глава 11. Рывок в неведомое	109
Глава 12. Дороги войны	119
Глава 13. Вынужденная высадка	131
Глава 14. Конечная точка	155
Глава 15. Незнакомец	163
Глава 16. Потери	174
Глава 17. Конфликт в группе	180
Глава 18. Первая ночь	202
Глава 19. Бой	207
Глава 20. Беда	213
Глава 21. Трагедия	225
Глава 22. Тот день	232
Глава 23. Детский дом	234
Глава 24. Рассказ пленного	245
Глава 25. Возвращение	253
Глава 1	

Тревожные мысли

Тихим осенним утром, когда воздух уже успел наполниться холодной свежестью, а небо было разорвано пеленой свинцовых облаков, во временное расположение штаба армии направления «Запад», минуя большое количество тяжёлой военной техники, стоящей на обочине, прибыл внедорожный автомобиль цвета «Хаки», из которого вышел офицер в парадно-выходной форме, захлопнул за собой дверь и осмотрелся.

С момента получения формы офицер заметно похудел, и теперь она висела на нём, как пальто на детской вешалке. Его щёки впали, а тело истощилось. В тылу он проводил ночи напролёт, решая сложные технические и математические задачи, требующие аналитических способностей. За последние месяцы объём важных поручений значительно увеличился, что привело к постоянному стрессу и упадку сил. Физически и морально офицер двигался к пропасти, всё глубже погружаясь в пучину отчаяния. На его лице читались тревога, нервозность и лёгкое недоумение, поэтому он с нетерпением ждал, когда его встретят и объяснят, почему он оказался в прифронтовой зоне.

Убедившись, что его никто не встречает, он медленно подошёл к высокому дубу. Могучее дерево, словно огромный страж, стояло на видном месте, раскинув свои ветви, будто окутывая паутиной защиты. Усталость, словно тяжелое одеяло, накрыла офицера, отбивая всякое желание метаться по территории части, привлекая к себе ненужное внимание. В тени дуба он, закулив сигарету, решил подождать и задумался.

«Нет, я не готов просто плыть по течению. В жизни каждого человека есть компас, стрела которого указывает на цель. Эта цель, как маяк в штормовом море, должна вести нас, определяя наш путь, наши поступки, нашу сущность. Без неё мы — лишь щепки, пустой мусорный пакет, гонимые волнами судьбы».

Для него такой целью, такой путеводной звездой, давно стал его сын. Маленькое чудо, которое он не видел целый год. Сын часто снился ему, особенно в последнее время. И только от одной мысли, что их встреча может не состояться, его охватывал страх. Прошлый отпуск хранился в памяти, когда днями напролёт он проводил время с ребёнком и был самым счастливым человеком на свете. Офицер помнил долгие прогулки в мельчайших подробностях, улыбку сына, радость матери и самые тёплые минуты, проведённые вместе с семьёй, сотканые из любви и нежности. Служебно-боевая командировка, казалось, подходила к концу. Оставалась всего неделя до окончания контракта, и он уже видел себя, кружащим своего маленького сына в объятиях, прижимающим его к себе, играющим с ним в мяч, наматывающим круги с детским велосипедом по футбольному стадиону. Сердце офицера замирало в предвкушении встречи. Тёплые воспоминания из гражданской жизни, словно лучи солнца, согревали его в это прохладное утро. Но внезапный телефонный звонок, а затем приказ явиться в штаб, причём в расположение совершенно другого рода войск, обрушился на него, как гром среди ясного неба, нарушив все мечты о скорейшем возвращении. Что бы это могло значить? Требование начальства срочно прибыть в пункт временного размещения части для консультации командования по вопросу, о котором никто ничего не сказал, вызывало опасение. Руки дрожали. Сомнения и подозрения всплывали в голове одно за другим.

«Я так изменился... Узнает ли меня мой мальчик? Протянет ли маленькие ручки ко мне? Обнимет ли? Столько времени прошло... целая вечность, кажется». Эти вопросы, словно терзающие черви, грызли его изнутри, и он продолжал нервно томиться в неведении, ожидая вызова к военному начальству.

—Товарищ капитан, это уже третья «палочка здоровья» за десять минут. Сигарета убьёт Вас быстрее, чем вражеская пуля. На вас лица нет. Вы чем-то обеспокоены? — вдруг развеял тревожные мысли водитель, сопровождавший его и молчавший весь долгий путь.

Капитан не смутился и попытался высказать всё, что накопилось за последние сутки. Дорога сильно вымотала его и, несмотря на вопрос водителя, сейчас не было ни малейшего желания вступать в дискуссию. Однако он решил, что сдерживать всё, что накипело в нём за последние сутки сейчас тоже ни к чему.

—Сержант, — его голос проскрипел, как несмазанная петля. — Когда тебе остаются считанные дни до окончания контракта, и ты жаждешь увидеться со своим ребёнком, представляя момент встречи, а вместо этого тебя срочно вызывают в расположение другой части на горячий участок фронта, да ещё почти на передок, подбрасывают к самому пеклу, тут не то что занервничает — тут рассудок может пошатнуться, — ответил офицер.

—Я всегда смотрю на мир сквозь призму оптимизма, товарищ капитан, и искренне верю, что ваше randevu с командованием завершится в мгновение ока и с триумфальным финалом.

—Ага, твои слова да Богу в уши. Легко тебе рассуждать, когда ты крутишь баранку вдали от этого осинового гнезда, наслаждаясь ароматным кофе с пышными бубликами, — пробормотал офицер и бросил окурков на землю. — Да и крутишь ты баранку, мягко говоря, так себе. Меня уже второй час мутит от твоих «виртуозных» манёвров, будто я прокатился на карусели для душевнобольных.

—Ну это уже перебор, товарищ капитан. Клянусь всеми чертями, в плохом состоянии прифронтовых дорог моей вины уж точно нет.

Эта дорога была не просто изнурительной, она была разрушительной для непривыкшего к длительным «покатушкам» организма. У офицера раскалывалась голова, желудок сводило спазмами, а живот болел так, будто внутри него поселилась стая хищных птиц, выклёвывающая себе путь на свободу.

Всё это казалось диким, абсурдным, нелогичным. Зачем, с какой дьявольской целью, его, офицера связи, «любезно попросили» — без единой крупички объяснений, без намёка на причину — заехать в штаб мотострелковой дивизии, когда его контракт таял на глазах? Вопросы сыпались, как град, а ответов не было и в помине. Напряжение росло, словно колючий сорняк, оплетая его своими ветвями, но ничего не оставалось, кроме как смиренно ждать приглашения в штабной блиндаж, в эту сырую могилу, где, быть может, ему откроют завесу тайны.

Вчера, глубокой ночью, ему удалось выяснить, что штаб армии не так давно временно переехал в лесную местность, в заброшенный детский лагерь, располагающийся в пятидесяти километрах от линии основных боев. Несмотря на приличное расстояние от нуля, даже здесь находиться было небезопасно. Но самый главный вопрос сверлил мозг: зачем было покидать добротное, укреплённое бетонное здание бывшего металлургического завода, с его подвалами, похожими на сейфы, ради бревенчатого укрытия? Ради дыры в земле? Снова головоломка, издевательство над разумом. А грубое предложение подождать снаружи, пока утихнет совещание высших чинов, только подливало масла в огонь уже и без того пылающего напряжения.

В ожидании приглашения капитан успел осмотреть место, в котором находился. Несмотря на раннее утро, военный муравейник постепенно оживал. Тяжёлая гусеничная техника месила осеннюю грязь, солдаты загружали в грузовики боекомплект и оружие, прикрепляли гаубицы к тягачам. Готовилась большая военная операция. Он надеялся, что после организованного наступления одновременно по всем фронтам враг дрогнет и всё это быстро закончится.

—Тоже думаете, что всё это скоро закончится, товарищ капитан? — выглядывая из кабины автомобиля, снова вмешался в размышления сержант.

—Ты чертовски наблюдателен, — с горькой иронией ответил капитан.

—Я вот знаете, о чем подумал, товарищ капитан, ведь это все похоже на кукольный театр, а мы — жалкие марионетки, дёргающиеся на ниточках. Присмотритесь. Прикажут — исполняем. Отменяют — замираем. Но кто дергает за эти нитки? Кто главный кукловод? И во имя чего вся эта кровавая бойня? Ведь мы прекрасно понимаем, чем закончится любая война. Правильно. Подписанием мирного договора. Так зачем же тогда сеять смерть, зачем эти бесконечные жертвы? Это чистейшее безумие!

—Мы должны прийти к общему миру, путём принуждения к нему врага, раз он по-хорошему не понимает. Всё делается в интересах общества и государства на фоне внешней угрозы для поддержания национальной безопасности. Слушай, заканчивай свои философские рассуждения. Правда, не до тебя сейчас. Будь любезен, товарищ сержант, оставь меня в покое.

—Слушаюсь, товарищ капитан. Вы словно с листочка речь прочитали, — прислонив руку к пустой голове, выкрикнул водитель и замолчал.

Вскоре появился солдат, который после уточнения персональных данных попросил проследовать за ним. Путь лежал мимо палаток и цистерн с драгоценным, но опасным горючим, окутанных в сетчатую паутину, сплетенную против незваных воздушных гостей — дронов. После одного длинного звонка дверь распахнулась, и на улице появился военнослужащий в другой форме, вероятно из взвода охраны военного руководства, и негромко произнёс:

—Товарищ капитан, проходите, командование вас ждёт. Вам придётся временно сдать мобильный телефон для безопасности, — прогремел его голос.

Белоусов достал телефон, выключил и, недоверчиво посмотрев, передал солдату.

Пока спускались в подземелье, он успел насчитать двадцать небольших ступенек, ведущих в бездну неизвестности. Как позже выяснилось, это были хорошо укрепленные, расположенные на приличной глубине, фронтовые катакомбы, имевшие сотни метров подземных ходов с монолитными железобетонными перекрытиями и толстыми стенами. Непримечательный вход был сделан специально для отвлечения внимания.

Узкий коридор, словно артерия, пульсировал вспомогательными комнатами и техническими помещениями, по обе стороны которых замерли двери — стражники. Через тридцать метров появилась развилка — второй коридор стал шире и уходил влево. «Невероятно, а сверху лес!» — проскользнула мысль. Повсюду встревожено ходили офицеры среднего звена с огромными кипами бумаг, планшетами и папками с названиями «Совершенно секретно». Спустя минуту они очутились перед дверью штабной комнаты. Сердце дико забилося в ожидании развязки. Дверь открылась и под приглашающий жест солдата, он зашел внутрь помещения.

—Здравия желаю, товарищ генерал. Капитан Белоусов по Вашему приказанию прибыл, — отрапортовал по форме капитан и осмотрелся. Внутри небольшого помещения в огромном кресле сидел генерал, утопающий в армейских делах, обсуждая их с полковником, стоящим рядом.

—А-а-а, Игорь Александрович, наконец-то, — глаза генерала оторвались от стола и заблестели, словно два солнца. — Проходите, располагайтесь, — поднявшись, вежливо предложил генерал, тучно повисший над столом, на котором лежало несколько мерцающих планшетоv.

В штабной комнате помимо генерала и полковника находился ещё один человек в форме, но без погон и знаков различия. Он, прихрамывая на левую ногу, ходил взад вперёд, сложив руки за спиной, а когда подходил к столу, облакачивался на него, впивался взглядом в планшеты и нервно постукивал пальцами по столу. Капитан узнал в нём человека, о котором ходили легенды. Офицер разведки, потерявший глаз и ногу в огне ближневосточной битвы — Борис Федорович Кравцов. «Буря в пустыне» — так шептали о нём сослуживцы. В голове капитана промелькнула мысль, усиливающая беспокойство: «Все эти люди не могли просто так оказаться в одном месте, они должны были находиться совсем в разных точках и уж точно не в штабе мотострелковой дивизии. Что они здесь делают?»

В комнате было душно и влажно. Воздух казался тяжёлым, с неприятным запахом пота. Вентиляция из последних сил пыталась вдохнуть глоток жизни в помещение, но, видимо, засоренная опавшими листьями, не справлялась с работой.

—Чем могу быть полезен? — любезно, но с ноткой нервозности спросил капитан. Его тело, словно непослушный маятник, не могло обрести статики, раскачиваясь из стороны в сторону от внутреннего волнения.

—Видите ли, капитан, у нас сложилось непростое положение на одном из направлений наступления, и я надеюсь, что вы сможете разобраться в нашей деликатной ситуации. Игорь Александрович, мне известно, что вы принадлежите к иному роду войск и являетесь одним из ведущих специалистов связи. Вас настоятельно рекомендовали коллеги, и Ваше непосредственное начальство любезно согласилось откомандировать Вас на помощь, — провозгласил генерал, его голос наполнился горячим воодушевлением. — Сначала позвольте ввести Вас в курс дела.

—Слушаю, товарищ генерал, — ответил капитан, нервно потирая вспотевшие ладошки за спиной. Этот жест, выдававший его волнение, был слишком заметен.

—Если Вы обратили внимание, у нас готовится широкомасштабное наступление по всей линии фронта. Перед армией стоит задача двигаться сразу в четырёх направлениях. На трёх направлениях всё идёт как по маслу, после подтягивания авиации и тяжёлой артиллерии. Мы делаем большие успехи и стремительно продвигаемся вперёд. Тем не менее, существует одно

направление, на котором возникли некие проблемы, и мы уже несколько дней топчемся на месте.

—Извините меня за дерзость, товарищ генерал, но чем я могу вам помочь? Я не стратег и не штурмовик. Я связист и физик. Я полагал, что меня вызвали для консультации по вопросам, лежащим в моей компетенции, — возразил капитан, его тон звучал почти вызывающе. Он был уверен, что его пригласили по ошибке, и совершенно не горел желанием вникать в тонкости сухопутных операций, стратегии и тактики. Ему хотелось конкретики, чтобы как можно скорее покинуть этот кабинет. Его ждал сын, и он не желал тратить драгоценное время на пустые разговоры.

—Дослушайте, прошу Вас. Я сейчас подробно объясню, почему мы нуждаемся в ваших услугах. Позавчера, ближе к вечеру, пришла подтверждённая информация о том, что в важнейшем укрепрайоне противника, расположенном в одной из лесополос, почти вплотную прилегающей к деревне, появилась аномальная зона. Более того, наши приборы зафиксировали необычный электромагнитный импульс в этой зоне, уничтоживший оборудование связи и всю электронику на расстоянии пяти километров. С чем связано это происшествие, сказать затрудняюсь. Мы не имеем возможности вести наблюдение за этой зоной. Нам необходимо выяснить, это редкое природное явление, новое оружие или всего лишь чья-то злая шутка? Это не ошибка наших приборов — мы перепроверили все данные, запросили повторные снимки, но перед нами всё то же самое: непонятное, размытое пятно на фотографиях и видеозаписях, которое упорно не поддается расшифровке. Специалисты центра изучения изображений разводят руками.

—При всём уважении, товарищ генерал, поднимите самолёт на разведку, — возразил капитан.

Тут полковник, внимательно наблюдавший за Белоусовым, не сдержался.

—Ты что, считаешь нас здесь всех идиотами? — взорвался он, искривив губы в презрительной усмешке. — Вот почему ты еще капитан! — Предыдущая разведка местности для получения сведений о нахождении там противника, производимая нашим ведомством перед наступлением, ни к чему не привела. Нам не удалось достичь результата. Мы пытались задействовать самолет, летевший на малой высоте, практически над верхушками деревьев. Но по неведомой причине связь с ним оборвалась, и он исчез с радаров. Позже выяснилось, что он потерял высоту и разбился. К счастью, пилот успел катапультироваться. Этот боец нам и рассказал, что укрепрайон противника окутан чем-то вроде невидимого купола. И вот теперь, приглядевшись внимательнее к снимкам, мы заметили едва проглядывающую особенность, — четко произнес полковник, высокомерно вскинув подбородок. Полковника звали Пасека Анатолий Михайлович. Его лицо, словно высеченное из камня, круглое и массивное, как скалы Атласа, оставалось невозмутимым, как в дни триумфа, так и в часы роковых новостей. Он не просто полевой червь, проживший в окопах все стадии войны, он — чудовищная шестеренка в машине прорыва, бурлящий котел здравых мыслей и потрясающих идей, что разгораятся в мгновение ока, готовые к огненному крещению завтра. Им представилась возможность видаться раньше, и их встреча была короткой. Полковник присутствовал на награждении, когда Белоусов получал орден за заслуги перед Отечеством от командующего фронтом, увидел его в качестве одного из представителей военной комиссии. Тогда он был ещё майором. И Белоусову не понравилось, как Пасека на него посмотрел, так как капитан награждался за штабную, не полевую работу.

—Почему вы думаете, что дело в посадке? — не двигаясь с места, упрямо бился капитан, отстаивая своё мнение. — Может быть, снова тестировали секретное оружие, но что-то пошло не так, а вам просто забыли доложить?

—Капитан, не спорьте. Поверьте, различные теории, мнения и гипотезы уже отработаны. В этом районе находится паутина путей сообщения и сильно укрепленные позиции врага.

Взгляните на снимок, что мы получили этим утром. Видите еле заметную вздохом завесу бледно-фиолетового цвета, словно дымка с далекой планеты, переливающуюся, как крылья невиданной птицы? — генерал, чьи слова звучали как приговор, предложил подойти к столу, где на планшетах расцветали снимки и данные. — Мы полагаем, что это может быть новый щит от наших снарядов, или же чудовищная система радиоэлектронного подавления. Необходимо выяснить на месте, что это такое и предоставить в штаб данные, как можно противодействовать этой технологии. Вот поэтому вы нам нужны. Объективный контроль показывал, но показывал то, что никто не мог объяснить, и что не поддавалось здравому смыслу, и, естественно, требовало более детального изучения, — добавил он.

Белоусов тяжело вздохнул и покачал головой.

— Непосредственно над этими позициями и вблизи них в радиусе двух километров не работает связь, не проходит радиосигнал и падают наши дроны. Никакого внешнего наблюдения не существует, — продолжал генерал.

— Даже по спутнику связи нет? — спросил Белоусов.

— Именно. Дроны, самолеты, вертушки влетают в зону и теряют управление. Причём даже более мощные беспилотники чёткую картинку не предоставляют. Мы потеряли пять разведывательных дронов и около сотни FPV-дронов. Поэтому свежими кадрами с местности поделиться не можем. Вот эта точка, — генерал лазерной указкой показал на деревню.

Капитан неспешно подошёл к столу и посмотрел на снимок. Увидев название, он обомлел. Ему уже приходилось слышать об этом населённом пункте, часто фигурирующем в боевых сводках. Проблемный участок, где ранее на протяжении нескольких месяцев проходили упорные бои, переходил из рук в руки противоборствующих сторон много раз. Но, судя по сообщениям командования с тех мест, вектор обороны смещался севернее, противник начал покидать населённый пункт, оттягивая силы, и сражение подходило к концу.

Внезапно в разговор вмешался полковник и, отодвинув капитана в сторону, заслонил собой стол. Между ними завязалась небольшая дискуссия.

— Товарищ генерал, я всё понимаю, но это секретная информация. С какой это радости вы показываете ему снимки, нарушая устав и офицерский протокол? Он не имеет права знакомиться и становиться обладателем данной информации, так как у него отсутствует уровень доступа категории «А».

— Да подожди ты со своей категорией. Он прямой участник будущей операции, и он должен обладать всей собранной информацией, чтобы проанализировать и сделать соответствующие выводы, — повысив голос, громко ответил генерал.

— Как участник операции? Почему я об этом узнаю только сейчас? — сделав удивлённый вид, спросил Пасека.

— Всё согласовано с Кравцовым, — генерал кивнул в сторону «Бури в пустыне».

— Простите, какой операции? — в свою очередь, удивлённо спросил капитан и внутренне жался.

Разговор начал переходить в агрессивную плоскость, и офицеры стали вести себя, словно базарные бабки на рынке.

— Генерал, вы не имеете права разбрасываться секретными данными, не поставив в известность штаб армии, — не обращая внимания на вопрос офицера, продолжал спорить полковник.

— А я и не разбрасываюсь. Это мой приказ. Всю ответственность я беру на себя. Как вы смеете ставить под сомнение мои решения? — возмутился в ответ генерал, также игнорируя офицера. Разговор продолжался на повышенных тонах. Война слов становилась всё жарче. И лишь «Легенда» сохранял спокойствие и молчал, продолжая неспешно передвигаться по комнате, с трудом опираясь на протез ноги.

— Подождите, какая операция? — офицер повторил свой вопрос, на этот раз громче.

—Товарищ генерал, он сейчас выпорхнет из штаба и взболтнёт любому встречному о наших планах, — не унимался полковник. — Вы только посмотрите на него, — он театрально взмахнул рукой, указывая на капитана, — это штабной, почти гражданский человек, не прошедший подготовку в полевом лагере. Использовать его в боевой группе? Как вы себе это представляете? Вы прекрасно знаете, что по долгу службы я буду обязан сообщить в генеральный штаб о разглашении секретной информации.

Лицо генерала помрачнело. Он кулаками опёрся на стол, да так сильно, что был слышен хруст одной костяшки.

—Через голову собрался прыгнуть? Или решил пойти по головам? — адресовал он полковнику.

—Объясните, какая ещё к чёрту операция? Мне домой через неделю! Меня маленький сын дома ждёт! — выкрикнул офицер и решительно сделал шаг вперёд, недвусмысленно намекая, что он уже устал от неопределённости и этой драмы офицерских рангов.

В воздухе повисла мертвая тишина. Было слышно, как где-то скребётся полевая мышь и скрипит пол под солдатскими сапогами.

Генерал перевел суровый взгляд с полковника на капитана. Кравцов остановился и замер. Он высоко поднял голову и демонстративно выдвинул вперед подбородок, показывая недовольство выбором специалиста для такого сложного дела. Было отчётливо видно, что ему всё ещё больно, протез сильно натирал конечность после нескольких тяжёлых дней на ногах, но он не жаловался и старался не подавать виду. Что нужно таким людям? Железная выправка и ровная осанка.

—Не спешите делать выводы, — прорезая тишину, он взял слово низким хрипловатым голосом. — Вкратце, без всяких соплей. Этот участок фронта сохраняет высокую активность. Мы продолжаем давление малыми штурмовыми группами и осуществляем планомерную подготовку к широкомасштабному наступлению всеми силами. Основная цель — взять опорник, находящийся на возвышенности. Сеть укреплений — это конец лесополосы, от которой идёт траншея длиною почти километр через поле к ближайшему населённому пункту — деревне под названием Блашурка. Наши усилия сосредоточены именно на взятии высотных укреплений. После этого деревня окажется как на ладони, и противнику придётся окончательно уйти. Несмотря на наше продвижение и давление враг ожесточённо обороняется, огрызается и иногда преподносит нам сюрпризы в виде редких контратак. Причины — его ограничение в пехоте. Личного состава не хватает. От позиций остались одни руины из-за непрекращающихся интенсивных артиллерийских обстрелов. Поэтому Вам надо разобраться на месте с этим куполом, а нам, на основании собранной информации, зайти в серую зону и закрепиться.

—Другими словами, мне необходимо туда отправиться? Но я же штабной офицер! Напоминаю Вам, меня вызвали всего лишь для консультации! — Белоусов не мог поверить своим ушам.

—Да, придется пойти. Ты в первую очередь военнослужащий нашей армии, а потом уже всё остальное, — утвердительно ответил Кравцов.

—Это не очень хорошая идея, — жёстким голосом заговорил Белоусов. — Я уже два года не был на сборах и стрельбах. Рисунок войны поменялся. Дроны не дают дышать пехоте, особенно на таких стратегически важных участках. До майора мне осталась одна звездочка, один шаг. А через две недели у меня заканчивается контракт и начинается отпуск, которого я так долго ждал.

—Вот сходишь туда с парнями и звёздочку получишь и в отпуск укачишь. Папка с подробным отчётом должна упасть мне на стол уже послезавтра. На подготовку у вас не так много времени. Выдвигаетесь, завтра рано утром, — отозвался Кравцов словами, режущими словно лезвие.

—Главное крестик на могилку не получить. Не думаю, что я пойду. Моё положение мне позволяет отказаться, — огрызнулся Белоусов.

—В неприкосновенность свою уверовал? — усмехнулся Кравцов, доставая из папки с личным делом листок бумаги с синей печатью. — На, возьми, ознакомься.

—Не вешай нос. Спешу тебя успокоить, Игорь Александрович. С тобой пойдёт элитная группа разведки. А перед вами штурмовики, которые расчистят дорогу. Генерал никогда не демонстрировал свою власть и значимость в разговорах и обсуждениях боевых задач с подчинёнными, был спокоен и рассудителен. Однако этот эпизод и словесная схватка с полковником, вывели его из себя.

—Как я пойду с элитной группой, когда у меня нет ни физической, ни должной боевой подготовки к подобным вылазкам? — голос капитана Белоусова дрогнул. — Взгляните на меня, я не обладаю выдающимися физическими данными. Я стал такой миниатюрный, что на мне даже ордена негде повесить! Как мне выжить в боевых условиях? — встав в центре комнаты и разведя руками, спросил он.

—А нам не нужен самый сильный, а нужен самый умный, способный быстро анализировать, размышлять и делать выводы. Вы уникальный, исключительный специалист, с богатым опытом в использовании различных радиоэлектронных комплексов, самородок по своей части. Других выковыривать из центра и ждать их прибытия времени нет. Вы напрасно показываете здесь свой боевой оскал. Ваше участие в этой операции согласовано и неизбежно.

—Соблазнительное предложение. А если я наотрез откажусь? Мне тридцать пять лет, моя функция аналитическая, а не разведывательно-штурмовая. Шансов выжить и вернуться домой к сыну у меня практически нет.

—Это не предложение, а приказ, мы в армии, а не в песочнице. Порядок знаешь. В случае отказа — арестуют и трибунал. Тебе известно, в какой структуре работаешь: мы приказываем — ты выполняешь, — вмешался полковник Пасека.

—Я могу связаться со своим командованием? — едва сдерживая эмоции, спросил капитан Белоусов.

—Конечно, свяжись. Но, сперва ознакомься с бумагой о твоём участии в секретной операции. Я, настаиваю, — грубо протянул листок Кравцов и нахмурил брови. Он развернулся, сложил руки за спиной и уставился в большой монитор с кучей кадров с разных камер дронов, парящих над позициями врага. — Ещё не хватало, чтобы мне трепала нервы каждая зубочистка. Если коротко: потребуется группа из десяти человек. Ты одиннадцатый. Поедете на броне с дополнительной защитой, усиленной системой «Мангал» и установкой РЭБ, чтобы наверняка доехать до места. Точка высадки в двух километрах от высоты 101. Остальной путь пройдёте пешком по лесополосе, не развалитесь.

Капитан Белоусов взял в руки документ и слова поплыли перед глазами. От волнения ему стало дурно, но сама суть документа была ясна. Его просто заманили сюда, а консультативный характер приезда был всего лишь ширмой.

—В дополнение ко всему, подпиши соглашение о неразглашении секретной информации, а затем сразу же получишь допуск. Взаимодействовать с группой штурмовиков вам нет необходимости, они ворвутся на позиции и добьют противника, если он там ещё остался. Но, повторяю, по нашим данным противника там нет. Перед штурмом будет серьёзный артиллерийский обстрел из всех стволов по тому участку. Вы придёте уже на все готовенькое под прикрытием разведчиков. Вам не надо вступать в бой и сражаться до потери пульса. Просто зашли, собрали информацию, ноги в руки и домой. Пройдёте по той же посадке в обратном направлении, и вас будет ждать БМП, — подытожил генерал и отвернулся в сторону. Генерал Александр Иванович Несмехин, совсем недавно получивший звание генерал-майора, говорил не всю правду. И сам прекрасно об этом знал. Он не мог хорошо скрыть ложь за равнодушным выражением лица. Казалось, ему было стыдно за то, что приходится обманывать подчинённых

для выполнения столь серьёзного боевого задания. Он был хорошо воспитан и уважительно разговаривал без криков и армейского пафоса. Но у него был приказ высшего командования, который необходимо выполнить в кратчайшие сроки и доложить наверх. Генерал умолчал, что на самом деле ранее были предприняты две безрезультатные попытки штурма позиций противника, окопавшегося на оборонительном участке. Укреплённый район значился на всех картах как высота 101. Генерал прекрасно понимал, что готовившаяся операция просто авантюра. Он наивно полагал, что отправив две роты на штурм, хотя бы часть из них сможет выжить и закрепиться. Что происходило на высоте, на самом деле никто не знал.

Две штурмовые роты, брошенные в беззубые, неподготовленные атаки через поле, были уничтожены. Выжившие не возвращались. Бессмысленные атаки обошлись слишком дорого. Ресурсы были растрочены. Но появилось исключение — один странный боец, неизвестно из какого подразделения, вернувшийся ночью. О нём срочно наводили справки. Генерал приказал привести его с допроса, который длился почти целые сутки и проходил с большим трудом.

—Важная деталь. Подчёркиваю, я опираюсь только на проверенные данные. Есть очевидец событий с высоты 101. Пока до конца непонятно, наш это боец или замаскированный враг. Мы ждём подтверждения, — уточнил Кравцов.

—Да приведите вы уже бойца и того, кто его допрашивал, — повторно прокричал генерал.

Глава 2

Подозрительный боец

Дверь распахнулась, и в штабное помещение ввели солдата, чье возвращение с высоты 101 было окутано туманом загадок. Двое крепких бойцов и военный следователь вели его, словно диковинного зверя, пойманного в лесу. Боец замер у входа. Его руки за спиной были связаны. Вид у него был, мягко говоря, недружественный. В грязной, но не рваной военной форме, высокий плотный мужчина средних лет, не издавая ни звука, холодно оглядел собравшихся в помещении офицеров. Он был уставшим, но при этом уверенно держался на ногах. Лицо в гематомах и сильно расцарапано, косточки на руках разбиты, а каменный взгляд устален в одну точку. И лишь форма его, грязно-фиолетово-зеленая, цвета могильной земли, мертвенно-гробовая, без единой нашивки или знака отличия, сливавшаяся с засохшими пятнами крови, выдавала его чужеродность.

Офицеры с любопытством осмотрели бойца с головы до ног и «Буря в пустыне» решил поближе подойти к вернувшемуся из плена незнакомцу.

—Ввиду отсутствия времени, мы постараемся сейчас получить новые данные, — пытаюсь успокоить капитана, ровно сказал генерал.

Но для капитана Белоусова эти данные и сам боец, вернувшийся из бездн плена, были лишь пеной на волне его собственных переживаний. В голове его билась лишь одна мысль — сын и возвращение домой. Каждая минута удаляла его от цели, но желание встретиться становилось все сильнее.

—Что это за форма такая, черт возьми? — спросил Кравцов. — Его что, переодели?

Военный следователь отрицательно покачал головой и чётко ответил:

—Никак нет, товарищ полковник, в чём взяли, в том и привели. Он рассказал, что присутствовал на высоте 101 и был в одной из групп штурмовиков. Кроме него никто не выжил. А сам он попал в плен вместе с несколькими бойцами, но ему удалось сбежать, проползти по минному полю под прикрытием тумана и, спустя четыре километра пересечённой местности, выбраться к лесополосе, в которой его и взяли наши разведчики. Но это было ранее, до момента захвата позиций. Сразу говорю, с ним очень сложно вести диалог. Из него даже клещами слова не вытянешь. Первое время он ещё делился данными, разговаривал, а сейчас окончательно замолчал. Может психика пострадала?

«Буря» не удержался.

—Товарищ военный следователь, вы утверждаете, что он был в плену, а потом прополз в этой одежде четыре километра по минному полю, окружённому со всех сторон колючей проволокой? Смех сквозь слёзы! Не верю. Форма как новая, ни износа, ни потёртостей. Только в крови вся испачкана, но на теле ни царапины. Кто ты, воин? — обратился он к приведённому бойцу, и, взглянув в его пустые глаза, вернулся к столу. Квадратное, хмурое лицо незнакомца, похожее на огромную скалу, склонённую над берегом бушующего моря, посечённое мелкими метеоритами, не вызывало никакого доверия. Его дыхание было чересчур ровным, а сердце будто не колотилось. Боец выглядел здоровым, как дом. Складывалось впечатление, что он живёт на уровне инстинктов. Этот человек прошёл через ад, через штурм, сопротивление, убийство, смерть товарищей, плен и жестокие пытки, но не проявлял никаких эмоций.

Боец, словно собирая обрывки мыслей, провёл языком по сухим губам и грубо произнёс:

—Я солдат штурмовик.

Эти слова взбесили «Бурю». Кулак с грохотом врезался в стол.

—Твою мать, мы что, в учебке? Доложите по форме: фамилия, имя, звание, подразделение, — выкрикнул полковник.

В ответ получил лишь лёгкое мычание и суровый, испепеляющий взгляд.

«Буря» похрамывая, снова подошёл к бойцу и стал щупать рукав, а затем вернулся к столу, взял стакан с водой и вылил ему на плечо.

—Ничего себе. Не промокает. На форме ни одного пореза или рваного места. Ты с кого такую передовую форму снял, воин?

—Ни с кого я не снимал. Форма моя личная. Костюм не промокает, не выпускает тепло, через тепловизор человека в нём не видно, от порезов, надрывов и зацепов защищён, сделан из специальной ткани, армейской! Подозрительный боец не говорил, он шипел, как змея, медленно и с трудом выжимая из себя нужные слова.

—Стесняюсь спросить, специальная ткань, но какой армии? Я не поверю, что штурмовикам налево направо раздают подобные наряды.

—Нашей, Великоотечественной.

—Ты свой сортирный юмор оставь при себе. Ты что о себе возомнил? — не выдержав, вмешался полковник Пасека.

—А что на тебе за сапожки заморские одеты? Вы только взгляните на них! Я таких громоздких не видел ни в одном подразделении. Ты куда в них не убежишь и по полям не пройдёшь осенью, приятель. Подошва толстенная как бетонная плита. Судя по виду, они должны весить по пять килограммов. А ну-ка ребятки, снимите-ка с него ботинки, — продолжил Кравцов.

Два бойца бросились развязывать шнурки, закреплённые в специальные защёлки, и, приложив немного усилий, сняли с ноги левый ботинок. Их удивлению не было предела.

—Нет, товарищ полковник, они совсем лёгкие, — громко прокричал один из них.

—Толстая плита защищает от пехотных мин, — сухо объяснил боец.

—Тебя так били и пытали, что форма целёхонькая и не пострадала? Или ты что-то нам недоговариваешь? Ты на чьей стороне воюешь? Мы так и не дождались ответа, — продолжал допрос Кравцов.

Ответа не последовало и сейчас.

—Личность устанавливаем. Имеющиеся данные проверяем. Но есть нюанс. Он из штурмовиков, говорит детдомовец, потом сидел долго на зоне. Ну, вы знаете, как к ним относятся. Расходник, в общем. Данные сверим, подтвердим, в том числе благодаря вашему выходу, капитан, и направим в тыл, на лечение. Утверждает, что военный билет сумел выхватить из мусорного ведра, когда убегал. Мол, они все документы порвали и выбросили на улицу, а их хотели расстрелять. Документ так порван, что фотографии нет, только фамилия. Сделали быстрый

запрос в роту, говорят, был такой. Станный тип. Я ему задаю простейшие вопросы, а он сукин сын, молчит. Видимо, сказались пытки, которые к нему применялись. И самое главное, он утверждает, что на высоте 101 действительно никого нет из живых, а также, что нас там ждёт сюрприз.

—А он что, сам разучился разговаривать? Ты зачем за него докладываешь? Ребят, освежите ему память. Мне нужны ответы, — сказал полковник.

Двое бойцов покорно кивнули, повалили на пол пленного и начали бить ногами, словно месили тесто.

Капитан попытался вмешаться и сделал движение вперёд. Он не привык видеть подобное обращение с людьми, но тут же был остановлен Кравцовым.

—Капитан, остановитесь, не стоит. Надо обработать его раны и освежить память, чтобы развязать язык. Иначе никак.

Конвоиры продолжили бить, превращая его тело в сплошную рану.

Капитан не выдержал. Ему стало жалко этого человека.

—Перестаньте. Немедленно! Может, мне удастся с ним поговорить?

Кравцов молча кивнул.

—Поднимите его и посадите на стул, — распорядился полковник. Истекающего кровью бойца подняли за руки и посадили на заранее подготовленный стул.

—Можешь в подробностях описать, что случилось и с чем вы столкнулись на высоте 101? Белоусов наивно полагал, что ему удастся раскусить бойца, он всё разузнает и это может как-то сказаться на его участии. — Ты же не в плену! Мы — свои. Нам-то можно довериться, тебя не расстреляют.

Но упёртый боец продолжал молчать. Ни один нерв на его лице не дёрнулся, при повторном, более грубом вопросе со стороны офицера.

—Белоусов, отставить. Отойди от него, — крикнул полковник.

—Я вас всех запомнил, я вернусь, — вытирая разбитую губу о плечо, прошипел пленный.

—Так, надоел он. Накормить, заштопать раны и в штурм его. Перешёл все границы уже со своими угрозами. Это не штаб, а театр абсурда какой-то, — неодобрительно качая головой, скомандовал генерал Несмехин.

Подозрительного бойца быстро подхватили за руки и увели.

—Итак, что мы имеем в конечном итоге. Вы можете ещё что-нибудь добавить? — обратился Кравцов к следователю.

—При допросе сбежавший боец сообщил, что в деревне нет больших сил противника. Когда его били палками, он потерял сознание. Его тело приволокли в подвал и бросили, думая, что он мёртв. Он пришёл в себя вечером. Осмотрелся — никого нет, выбрался из подвала и пошёл к «своим».

—Ладно, не мучай его больше. Ему и так досталось. Времени нет. Белоусов, согласно утверждённому боевому заданию, выдвигаетесь завтра в четыре часа утра. Дальнейшие инструкции в этом пакете, держи, — кинул на край стола стопку бумаг генерал и продолжил: «Кравцов, позови офицера элитной разведывательной группы. Ну, этого, «Штыка» или как у него там позывной».

—Его нет, он в госпитале. Вместо него пойдёт группа «Чародея».

—То есть как? Вы заверяли меня, что будет хорошее прикрытие с участием лучшей разведывательно-диверсионной группы, но рота «Чародея» используется для...

Он не дал договорить генералу и впервые перебил, чтобы Белоусов не стал задавать неудобных вопросов.

—Я знаю, для чего их используют, но реальность сейчас такова. Разведывательная группа серьёзно пострадала при очередной вылазке на днях. Поэтому было принято решение о замене на другую группу.

—Хорошо, с этим вопросом разберёмся позже. У нас в запасе не так много времени, чтобы устраивать тут сцены. Пригласите тогда этого «Чародея» для инструкций. Посмотрим, что он наколдует. Капитан Белоусов, вы можете быть свободны, — распорядился генерал.

Белоусов развернулся, и, склонив голову, пулей выскочил из помещения, в котором не спадало напряжение, попутно задев плечом входящего «Чародея». Их взгляды на мгновение пересеклись. Краснея от гнева и громко топая, пройдя ускоренным шагом через длинный коридор, капитан побежал на улицу. В организме, испытывавшем сильный стресс, произошёл мощнейший выброс адреналина. Им овладел страх, и глоток свежего воздуха был бы весьма кстати. Пелена стояла перед глазами, казалось, что он утрачивает контроль над телом. Появилась одышка, и холодный пот ручьём потёк по спине. Перебирая ватными ногами высокие лестничные ступеньки, он, наконец, глубоко вдохнул воздух, широко распахнув входную дверь. Солнце ослепило его.

Глава 3

Приглашение «Чародея»

Боец с позывным «Чародей» невозмутимо зашёл в штабное помещение и представился по форме. Сослуживцы и подчинённые смотрели на него с неподдельной искренностью, уважая его как скалу — за прямоту и честность, что не гнулись под напором обстоятельств. Боевой офицер грамотно выполнял поставленные задачи без лишних слов и старался подкреплять оказанное высокое доверие положительными результатами. Куда посылали, там и воевал. Именно за волшебное искусство сохранять жизнь своих людей в когтях самых безвыходных ситуаций и перед лицом невыполнимых миссий — его боевые товарищи и окрестили чародеем, мастером иллюзий, развеивающим смерть. Принимать нестандартные решения, действовать не по учебнику и добиваться успеха, было у него в крови.

—Так, «Чародей», слушай мою команду. Задание непростое, с изюминкой. Отбери из своей роты десять опытных обстрелянных бойцов для этого задания, которым можно довериться. Нам нужны добровольцы, а не рабы, чтобы они сами приняли взвешенное решение о своём участии в операции. Никакого принуждения, — заявил Кравцов.

—Мы только вчера вернулись с боевого задания, товарищ полковник, выполнили боевую задачу, понесли потери личного состава. Разве мы не заслужили передышку? — негодуя, спросил «Чародей».

—Хватит скулить, как раненый щенок. У нас выбора особо нет. Поэтому вникай в детали, — не отводя взгляда с «Чародея», сказал Кравцов. У него были более опытные кандидатуры для выполнения боевого задания. Однако ввиду изменения оперативной обстановки ему пришлось спешно назначить группу «Чародея».

—Мне известно, что вы вернулись с боевого задания и потеряли двух бойцов. Их мы представим к государственным наградам, как и положено, но ситуация вынуждает нас принимать экстренные меры. Понятно тебе?

—Так точно, товарищ полковник. Тогда жду деталей. И что с системой РЭБ на этом задании? — поинтересовался «Чародей». Ему хотелось как можно лучше обезопасить своих бойцов на этом зыбком странном задании, надёжно укрыть группу от коварных вражеских дронов, что стали настоящей чумой, бичом молниеносных бросков.

—В нашем арсенале только «Капюшончики», другую систему на БМП повредил упавший дрон. Антенны ждём.

«Чародей» огорчённо вздохнул.

—Что вздыхаешь? «Капюшончик» сейчас единственный комплекс с расширенным диапазоном подавляемых частот и с приличной зоной покрытия более пятидесяти метров. Есть целых пять секунд, чтобы среагировать на внезапное появление дрона, если мимо проскочит. Так что времени хватит, чтобы увернуться.

Кравцов, под молчание других офицеров, кратко обрисовал детали задания, не поднимая глаз с карт, разложенных на столе.

Уставший офицер медленно впитывал информацию и понимал, что путь окажется непростым, а само задание — тем более. По расположению уже ползли слухи по поводу высоты 101 и не очень хорошие. Когда полковник закончил доклад, он приказал «Чародею» идти готовить личный состав.

— Да, задание с изюминкой, я понял, товарищ полковник. Я отсюда чувствую, как воняет протухшим виноградом, — поворачиваясь к двери, прошептал он и удалился.

Глава 4

Неприятный разговор

Штабные офицеры, давно знакомые друг с другом, как старые товарищи, могли позволить себе вольности в разговоре. Генерал, хоть и старался держаться в рамках профессиональной этики, словно ходил по тонкому льду, избегая острых углов и личных нападок. Но в этот день лёд треснул, и он не смог удержаться.

— Вы обещали нам предоставить элитную разведывательно-диверсионную группу, а посылаете кого? Группу зачистки? — голос генерала звенел от возмущения.

— У меня нет для вас элитной группы, товарищ генерал, — ответил Кравцов. Вам прекрасно известно, что было две попытки разведывательных действий. Моя группа уже сходила в это проклятое место. И что мы видим по итогу? Ни связи с ними, ни вернувшихся живых. После установления всех подробностей провальной вылазки потом лично пойду собирать их тела. Более того, и штурмовиков оттуда тоже не видно. А вы, при всём при этом, планируете сделать ставку на штабного очкарика, подкрепив его тыл добровольцами из группы зачистки? Смею предположить, что у вас, при всём моём глубочайшем уважении, золотые руки в деле натягивания слона на глобус.

Полковник Пасека от столь резких слов отвлёкся от карты, лежащей на столе, и вопросительно уставился на Кравцова.

— При всем моем уважении, соблюдайте субординацию, полковник. Мы с вами, в конце концов, не во дворе в шахматы играем, а боевые действия ведём и обязаны выполнить поставленную задачу. Так что будьте благоразумны и рассудительны. В этот раз всё точно получится, я уверен в этом.

— Хотелось бы Вам верить, но верится с трудом, товарищ генерал. У меня возникли вопросы: почему выбор пал именно на этого специалиста? Откуда такая уверенность, что он справится?

— Сейчас у меня совсем нет времени и возможности искать специалистов в глубоком тылу, слишком много целей и задач ставит командование. Вы же заметили, как активизировался враг. Обычные армейские приёмы и методы здесь неуместны. Необходим совершенно иной подход и другая, свежая точка зрения на данное событие. Белоусов является одним из лучших выпускников военной академии связи, физиком теоретиком и специалистом по аномальным явлениям. На передке специалистов такого уровня у меня больше нет. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Я лично изучил его досье.

— Почему Вы не сообщили им про две группы, которые были отправлены ранее? — вмешался Пасека.

— Они могут заподозрить неладное, смалодушничать или вообще отказаться от участия в операции. У нас одна цель — выполнить поставленную задачу и проложить путь к планируемому плацдарму. Всё остальное — пыль на ветру.

— Даже эти люди? — возмутился Пасека. — Это не просто кого попало по мобилизации наковыряли. Это серьёзный, мотивированный контингент. И будет обидно и глупо просто так их израсходовать. Они профессионалы.

—Вот пусть и воюют! Мне где других взять? С небес нужных нам уже не достать. В начале войны «дачные руководители» их бросили под танки, — выкрикнул генерал, перебив подчинённого. — Всё, закончили дискуссию.

—Товарищ генерал, Александр Иванович, может быть всё-таки лупанём артой по высоте 101 на всякий случай, чтобы уже наверняка обезопасить группу от сражения и потери? — предложил Кравцов.

Генерал Несмехин развернулся и уставился на Кравцова дикими глазами.

—Сколько можно впустую поливать позиции? А если там остались выжившие люди? Ты что, хочешь их на атомы разложить?

Кравцов опустил глаза, видя суровый взгляд генерала, но затем вновь невозмутимо уставился на генерала, пронзая его взглядом.

—Оставь меня. Мне надо подумать, — тяжело опускаясь в кресло, заявил Несмехин.

Глава 5

Старые знакомые

Широкими шагами, взбивая осеннюю грязь, которую уже успела намесить тяжёлая военная техника, капитан Белоусов подошёл к знакомому дубу, и, спрятавшись под жёлтой листвой, нервно закурил. Он ощущал, как его знания, опыт, всё, что он копил годами, превратилось в петлю, затягивающуюся на шее, в билет в один конец. На фоне плохих новостей и навалившейся ответственности ему было невероятно сложно скрыть разочарование, и он едва сдерживался, чтобы не психануть. Несмотря на раннее утро, движение техники и количество военных с каждой минутой увеличивалось. За соседним небольшим зданием напротив, словно раненый зверь, утробно ревел то ли гигантский танк, то ли БМП, сильно действуя на нервы. Бросив прощальный, исполненный свинцовой тоски взгляд на творящийся хаос, Белоусов дрожащей рукой извлёк из нагрудного кармана фотографию сына. Ещё один миг, ещё одна волна щемящей тоски. Хранить личные фотографии в телефоне он не привык, да и нельзя было по инструкции. Изображение заметно поистрепалось, и лица сына уже было почти не разглядеть: оно размылось, стёрлось за год, и Белоусов уже стал забывать, как ребёнок выглядит на самом деле. В тяжёлый для себя эмоциональный момент он размышлял о сыне и о Родине. О воинском долге перед ней. И своём долге перед сыном. Он был просто обязан вернуться. А что есть Родина? Она посылает его на опасное задание, с которого можно и не вернуться. Начальство посылает, а не Родина. Начальство не есть Родина. Но значение этого задания сложно переоценить и, возможно, кроме него никто другой больше не сможет разобраться в поставленном вопросе. Таким образом, только при его непосредственном участии можно предотвратить бессмысленные потери личного состава. Рассматривая истерзаннный танковыми гусеницами пятачок перед казармой, Белоусов, видел лишь бездонную пустоту, и, пытаясь собрать воедино осколки навалившихся событий, погрузился в тягучие, вязкие размышления. Внезапный, резкий хлопок по плечу выдернул его из этой бездны. После получения инструкций в штабе появился «Чародей» и попытался успокоить разволновавшегося капитана непринуждённым разговором.

—И каким ветром тебя сюда занесло? — начал «Чародей».

—Попутным, — прошептал Белоусов, не отрывая взгляда от пустоты.

—Капитан, да подожди себя хоронить. Не всё так мрачно, как рисует твоё воображение, — тихим голосом проговорил он, видя беспокойное состояние Белоусова.

—Возможно. В твоей жизни по сути ничего не поменялось. Очередное боевое задание. А у меня уходит земля из-под ног от таких новостей. Для штабного военнослужащего идти в бой немыслимо при отсутствии боевой подготовки.

—Тебе не придётся воевать. Мы сделаем всю грязную работу, если придётся. А ты что, смерти испугался?

—А ты что, нет? Если у тебя есть возможность сохраняться перед каждым боем, то это превосходно. У меня такой возможности нет.

—Хватит дуться, капитан, ты похож на обиженного ребёнка, потерявшего любимую игрушку. Я тоже не в восторге от этого цирка. Мы только вчера вернулись из пекла.

—Ну и как сходили? Удачно? — Белоусов резко обернулся, в его голосе звучала ядовитая ирония.

—Спасибо, что интересуешься. Наша рабочая смена закончилась. И понимаешь, не совсем хорошо, — с досадой сказал офицер и плюнул в грязь. — Мне известна твоя история, капитан, и я прекрасно понимаю твои чувства. Быть в шаге от дома, а потом провалиться во всю эту кровавую кутерьму, врагу не пожелаешь. Признаюсь, я сам порой с трудом выдерживаю этот моральный груз. Война, потери, неудачи, непонимание командования. Хочется опустить руки, плюнуть на всё и свалить к себе домой, спрятаться за бетонными стенами и новогодней ёлкой. Подложить под голову мягкую подушку, да обнять крепко жену. Но перед глазами стоят лица бойцов, которые отдали свои жизни и остались лишь в нашей памяти. Перед каждым из них у меня долг. Я им обязан. Я им обещал. Потому что я остался жив, а их больше нет. У них тоже был дом, семьи, мечты, радости и печали. Я в уме пересчитываю жетоны, которые снял с их мёртвых тел. Остановиться — значит предать их, предать их детей и Родину, которую мы пытаемся защитить от внешней агрессии. Я сам пришёл к тебе с болью в сердце, — «Чародей» затих, отвернулся и мысленно представил всех бойцов, которых потерял во время боевых действий. — Два дня назад погибли мои боевые товарищи «Гоблин» и «Утёс». Но все эти потери и лишения не дают нам права биться головой о стену, обвиняя себя в бессилии. Мы делаем то, что можем и то, что должны, мы солдаты, капитан.

—Да чего ты раскаптанкался? У меня имя вообще-то есть, забыл что ли? — взорвался Белоусов и шмыгнул носом.

—Не думал, что мы встретимся при таких обстоятельствах, Игорь, — спокойно продолжил «Чародей», в его глазах светилась тёплая печаль.

—И я не подозревал, что пойду в бой с бывшим парнем своей жены, — надменно парировал Белоусов.

—Если она бросила меня и ушла к лучшему другу, значит ты действительно лучше. Вспомни, как я списывал у тебя в институте контрольные задания по гуманитарным предметам. Уже тогда это играло для меня решающее значение. Поэтому ты в начальниках в теплом штабе, а я с ротой в холодном окопе.

—Вот только не надо разводить сопли с сахаром и рассказывать мне слёзные истории. Оставь их при себе. Сейчас не до личных разборок. Я не маленький и прекрасно знаю, зачем мы здесь. В настоящее время мы оба в равных условиях, считай в холодном окопе. Но ты должен понять, что для меня это не поход в лес на пикник с друзьями, а опасное приключение, возможно в один конец. Мне просто обидно, в каком ключе, и с какой грубой интонацией руководство штаба со мной разговаривало, словно я им чем-то обязан. Они растоптали мои чувства грязными ботинками.

—Ты не держи на них зла, капитан. Они новые люди в штабе этой группировки. В штаб прилетело, и весь командный состав разнесло к чертям, поэтому они здесь. Приехали на замену погибшим, — закончил «Чародей».

—Ах, вон оно что. Искренне сожалею.

—Мне тоже порой бывает обидно, когда вместо благодарности я получаю одни упрёки. Хоть бы раз сказали: «Спасибо, что вернулся», «спасибо, что живой остался», «спасибо, что людей сохранил». Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Но это только в мыслях. А ты попытайся не заморачиваться. Всегда есть выбор. За решётку на четыре года и клеймо за дезертирство или успешное выполнение боевой задачи и очередное звание с занесением в личное дело. Помни, надежда самая лучшая из вещей, она никогда не умирает.

—Прости, ты откуда такие умные мысли выковыриваешь? Думаешь, мне об этом неизвестно? Знал бы ты, как душа разрывается. И Родине хочется помочь в важном вопросе, и сына безумно желаю увидеть, — посетовал Белоусов.

—Родине хочется помочь? — «Чародей» разразился нездоровым, булькающим смехом, словно из бочки с тухлой квашеной капустой. — Игорь, ты должен понимать, что всегда существует злая, неблагодарная, черствая принцесса, для которой гномы, выжигая душу и проливая пот, через тернии к звездам добывают золото, чтобы выковать ей корону. Она ненавидит усталых, испачканных грязью, источающих пот работяг, этих лилипутов, чьи жизни она топчет, заставляя страдать. Но гномы, словно одержимые, продолжают любить её, обожествлять, носить на руках и готовы броситься в пасть адского пламени ради неё. Чем она платит им взамен? Сырым подвалом, лишенным тепла и ласки? Старым ржавым оружием для выполнения непосильных задач? Или тупыми приказами, типа: «Надо в «серой зоне» обозначить наше присутствие, помахав флагом, а дальше — спасайся, как хочешь?» — спародировал смешной голос «Чародей». — Если один гном загноётся, его заменит другой, который, безразлично наступив на труп предшественника, подойдёт с букетом цветов и открытым ртом к принцессе за очередной порцией указаний по выполнению боевой задачи. «Чародей» тяжело вздохнул, и его плечи опустились, словно груз мировых проблем лёг на них.

—Но ведь существует и добрая принцесса. Не так ли? — улыбнулся Белоусов и похлопал его по плечу.

—Она сидит дома у окна, нервно грызет ногти до мяса, и молится, чтобы её любимый гном вернулся домой целым и невредимым, с грудью, увешанной медалями, как новогодняя ёлка. Мне, между прочим, сейчас предстоит сделать выбор, от которого зависит, сколько таких добрых принцесс сегодня ночью уснёт со слезами на глазах. Мимо них, словно призраки, прошла колонна грузовиков, подняв в воздух лёгкое облачко пыли, окутывая их дымкой неопределённости.

—И какой же? — с интересом спросил Белоусов.

—Командование поставило задачу собрать группу из десяти надёжных, проверенных временем и сражениями бойцов, для этой операции. Прямо сейчас и начнём, — «Чародей» повернул голову, вытянул шею и окликнул бойца, выгуливающего неподалёку немецкую овчарку на поводке. — Эй, «Болтун», подойди к нам, пожалуйста.

Молодой боец подбежал трусцой, подтянул поводок на себя и схватил собаку за ошейник, придерживая от возможного нападения. Он был одет в нелепый, но внушительный защитный костюм сапёра, напоминающий раздутый панцирь черепахи, и выглядел, словно заблудившийся в нашем времени рыцарь, среди остальных военнослужащих.

Белоусов сразу же бросил недружественный взгляд на солдата, не признавая его внешний вид. Собака моментально почувствовала это и зарычала. Боец снял шлем, расстегнул тужурку и растрепал мокрые волосы.

—Отставить, Джун. Свои. Звали, товарищ капитан? — вытирая рукавом лицо, сблизившись, спросил боец.

—Ты во что вырядился? Собрался в этих доспехах в рейд пойти? — «Чародей» шутливо приподнял бровь.

—Да эту экипировку волонтёры привезли в гуманитарной посылке. Обнаружил её на складе в целёхонькой, товарищ капитан. Раз никто не взял, решил, что мне пригодится. Я же сапёр по должности, — волнительно произнёс «Болтун».

—Вот, Игорь, знакомься, наш боец — опытный сапёр, позывной «Болтун».

Бойцы сошлись и пожали руки. Белоусов недовольно надул губы, затем вытер мокрую ладонь о задний карман парадных брюк, словно отряхиваясь отчего-то неприятного.

—Что сейчас делает рота? — спросил «Чародей».

—В настоящее время бойцы отсыпаются в расположении после возвращения с боевого задания, как вы и распорядились. Раненые и те, кому нужна медицинская помощь, находятся в медпункте.

—Слушай мою команду. Зайди в расположение и сообщи бойцам, что через двадцать минут состоится внеплановое построение на улице. Точка сбора в роще, неподалёку от расположения. Приказ генерала и мой приказ.

—Есть, товарищ капитан. После этих слов «Болтун» натянул шлем, глупо смотревшийся на нём, приложил руку к виску и, спотыкаясь, неуклюже направился в расположение, периодически подтягивая собаку, рвущуюся в сторону.

Белоусов с подозрением посмотрел на этого бойца и покачал головой.

—Если все такие у тебя бойцы, то это точно катастрофа.

—Ошибаешься. Не надо оценивать людей по внешнему виду. «Болтун» по своей специальности сапёр. Да, он раздолбай и умом не блещет, но зато отзывчивый и исполнительный. Всегда открыто говорит, что думает. Иногда за это получает. Бодрый, весёлый парень, не злой, несмотря на серьёзные коммуникационные сложности. Я полагаю, что сила духа держится в нём на психологическом уровне. Это нервное, понимаешь? Перед каждым шагом в поле мысленно перекрещивается, а затем проверяет землю не только руками и шупом, но и каждой клеточкой своего тела, используя особое чутьё, которое, между прочим, продолжает срабатывать, потому что он всё ещё жив.

—Как у вас здесь всё запутанно, Андрей, — покачал головой Белоусов.

—Со временем привыкнешь. Ради этих парней, в том числе я и остаюсь здесь до сих пор.

—Правда?

—А ты думал, я воюю за тыловую генеральскую крысу, нагло ворующую последние носки у своих солдат? Им деньги дороже принципиальности и чести, поэтому сейчас идёт то, что идёт, и мы находимся здесь, а не дома. Ну что мы всё о грустном. Давай быстро по кофейку. А? — хлопнув себя по коленкам, предложил «Чародей» и заулыбался.

Белоусов молча кивнул, словно соглашаясь с неизбежностью этого момента, и направился в сторону автомобиля, на котором приехал. Он забрал личные вещи из машины и отпустил водителя, грустно глядя ему вслед, словно провожая друга в последний путь. В небольшом блиндаже запахло ароматным крепким напитком, словно дом наполнился теплом и уютом. Они сели на раскладные стульчики за небольшой стол, сделанный из зелёного деревянного ящика, ранее служившего домом для 152 миллиметровых артиллерийских снарядов, друг напротив друга и громко захлопали, опасаясь обжечься кипятком. Неловкое молчание заметно затянулось, и тогда Белоусов решил разбавить нарастающее напряжение разговором.

—Как людей потерял? — делая очередной глоток, спросил он.

«Чародей» не ответил, а лишь шмыгнул носом.

—Или это запретная тема?

—Нет, почему же. Просто пытаюсь собраться с мыслями. Это же не пара перчаток, которую потерял в спешке, опаздывая на автобус.

—Согласен, весьма тяжёлая тема. Если не хочешь, не рассказывай.

—Нашему отделению поставили задачу максимально незаметно приблизиться к населённому пункту, как предполагалось, в серой зоне, просочиться на окраины и занять два крайних дома. Двигались двойками в зелёнке по трём тропинкам, считавшимися безопасными. У каждой двойки была своя задача. Наши дрончики расчистили путь, выявили огневые точки противника и, срисовав места сбора личного состава, передали координаты для удара авиацией. После работы авиации мы пошли дальше. Осторожно осмотрели несколько первых домов. Живых не обнаружили. Немного расслабились. Потеряв бдительность, «Гоблин» беспечно заскочил в одно из зданий, словно в дом к знакомым, и не до конца убедившись в безопасности прохода, сделал шаг вперёд. Сработало взрывное устройство, замаскированное под бутылку с

водой. Враг поставил растяжку и хорошо её спрятал. Заряд оказался достаточно серьёзным, начиненным мелкими металлическими элементами. Боец погиб на месте. А вот со вторым двухсотым до сих пор, какая-то мистика.

—И что же произошло? — заинтересованно спросил Белоусов.

—«Утёс» продвигался с «Тишиной» в паре замыкающих. То есть, мы прошли вперёд, а они нас прикрывали. Прятались вдоль стен домов, старались не светиться на открытке и забегать в укрытия. Эти бойцы забежали в проём дома, но затем «Утёс» почему то выпал из укрытия обратно и, оказавшись на улице, продолжил движение. Прозвучала автоматная очередь. Он замер. Ранение брюшной полости. Мы вернулись за ним. «Бритва» оказывал ему медицинскую помощь и был последним, кто с ним разговаривал. Нам удалось вычислить противника и захватить его в плен. «Бонус» постарался. «Утёс» всё это время повторял: «Тишина», «Тишина», захлабываясь в собственной крови. Так ничего необходимого разобрать мы толком не смогли. Через десять минут его не стало. Тела мы спрятали. А как выполнили боевое задание, вернулись и забрали с собой, — тяжело вздыхая, подытожил «Чародей».

—Ты говоришь об этом так буднично, словно мы обсуждаем воскресный пикник в мирной жизни, — удивился Белоусов, вновь к губам поднося кружку.

—Ах да, мирная жизнь... — эти слова, как ключи, отворили дверь в его воспоминания. Он увидел себя в давней забегаловке, где утренний кофе смешивался с запахом булки, и тёплый отблеск прошлого утопил его, подобно сахарку в кипятке. — Когда-то... Теперь до мирной жизни, как до Луны пешком. После возвращения с боевого задания мне посчастливилось поболтать по телефону с супругой. Год назад мы взяли ипотеку на квартирку в новостройке, а после переезда она сильно переживала, как всё это будет выглядеть с маленьким ребенком на руках и без меня. Вроде привыкла. Но всё равно тоскует, с нетерпением ждёт моего возвращения. В телефонном разговоре жена пожаловалась на нестабильную работу лифтов. Во многих квартирах идёт активный ремонт. Нагрузка на лифты и на инженерные сети колоссальная. При срабатывании пожарной сигнализации происходит частая аварийная остановка всех лифтов. Это доставляет определенное неудобство. Часто приходится подниматься пешком на пятый этаж, держа в одной руке коляску, в другой сына. Стабильно раз в день. Жена спросила, как у меня дела? Я ответил, что всё хорошо. Я не стал её огорчать и рассказывать, что на последнем боевом задании потерял двух бойцов. Вот так может жизнь сложиться, а что будет завтра, никто не знает. И да — у меня тоже есть ребёнок. У большинства из нас. Это не повод, чтобы включать заднюю и устраивать истерику.

—Я понимаю. Но у меня была иная, спокойная жизнь. Непростая работа, но вдали от всего этого. А сегодня, я будто проснулся на вулкане, и земля задрожала подо мной, превратившись из твёрдой поверхности в жидкую тряси́ну болота, в которой я утопаю.

«Чародей» большими глотками допил алюминиевую кружку, громко поставил её на стол, вытер рукавом губы и пустился в открытый разговор.

—Генерал пустил тебе пыль в глаза, чтобы успокоить. Ни о каком глобальном наступлении по всем фронтам речи пока не идёт. Мне хорошо известно о ситуации на нашем направлении. Это всего лишь обычное прощупывание, рутинная возня в серой зоне для подготовки плацдарма и подтягивания основных сил. Но то, что случилось на высоте 101 — это дьявольская загадка, окутанная мраком.

—Эта просто какой-то бред! Чем больше я погружаюсь в солдатскую тину, тем больше возникает вопросов в голове. Для чего всё это делается? Сплошные разочарования, — с грустью сказал Белоусов.

—А ты не очаровывайся. Мы так каждый день живём, с сомнительными приказами и самодурами. Но не стоит впадать в уныние. И запомни, Игорь: Родина — это, прежде всего, ты сам. Остальное — потом.

Глава 6

Внеплановое построение

«Болтун» завалился в подвал и громко плюхнулся на табурет, стоящий на входе в расположение.

— Ребятки, у меня для вас новости, — безрадостно произнёс он, пытаясь завладеть всеобщим вниманием.

В небольшом помещении, переделанном под казарму, пахло затхлостью, сыростью и потом. Воздух был тяжёлым, спёртым, мужским. Многие бойцы спали после изнурительного марша. Кто-то читал книгу, кто-то тихонько брэнчал на гитаре, убаюкивая себя песней, а кто-то, набравшись «впечатлений» после боя, банально пытался расслабиться и скинуть с себя тяжелую ношу войны.

Но после прихода гонца старые армейские двухъярусные кровати, на которые были натянуты верёвки, использовавшиеся для сушки белья, неприятно заскрипели под весом неохотно разворачивающихся солдат.

— От тебя, «Болтун», кроме дурных новостей ничего ждать не приходится. Давай, выплевывай, что там у тебя? — спросил боец с пышной не по уставу растительностью на лице. Сам бритый под единичку, а борода густая, как у боярина. Он, неторопливо ковырялся в универсальном бронежилете, чтобы установить набор дополнительных модулей бронезащиты для увеличения площади противопульной и противоосколочной защиты, находясь ближе всего к входу в расположение.

— Через двадцать минут внеплановое построение на улице. Командир приказал. Он не в духе. Чувствую, что-то грандиозное наклёвывается.

Реакции на его слова не последовало. «Болтун» не пользовался авторитетом у сослуживцев, никто не воспринимал его всерьёз и для более успешной попытки он даже хотел встать на табурет, чтобы его было хорошо слышно при повторном оглашении приказа командира.

— Ну, раз приказ, тогда собираемся, парни, — громко крикнул боец и отложил в сторону бронежилет. Недовольно бормоча, военнослужащие стали медленно подниматься и приводить себя в порядок перед построением.

— Спасибо, «Бонус». У тебя талант в убеждении.

— В следующий раз отблагодаришь, когда с тропинки «лепестки» уберёшь, которые постоянно болтаются под ногами. Я могу договориться с любым оружием, только мины и снаряды исключение.

«Бонус» был суровым мужиком и универсальным бойцом. Он отметился тем, что в трёх штурмовых операциях и в трёх разведывательных всегда приводил с собой пленного офицера, как бонус. Отличался хорошим знанием ручного оружия и уверенной работой с пленными, доставая из них необходимые данные. У него всегда были свои «рабочие» методы убеждения. Поэтому никто из бойцов не осмеливался с ним пререкаться и возмущаться перед его, порой, грубым поведением.

В назначенное время рота в неполном составе построилась в небольшой роще. Белоусов, поправляя причёску, вместе с «Чародеем» выбрался из блиндажа и, подойдя к месту сбора, бросил недовольный взгляд на группу солдат, толпившихся перед танком. Машина была украшена дополнительной защитой от дронов с установленной каркасной системой «Мангал», прикрывающей пушку и выглядела устрашающе.

— Никак меня эта ситуация не отпускает, — остановившись произнёс Белоусов и проскрипел зубами. — Я сейчас должен собирать вещи и готовиться к встрече с сыном, а вынужден топтать грязь на передовой и идти в кровавый замес с группой спецназа.

— Игорь, мы не спецназ, — проговорил «Чародей» и сжал губы.

Капитан Белоусов медленно повернул голову в сторону «Чародея» и разово хлопнул глазами, словно белый голубь крыльями. Тяжело вздохнув, он без всякой надежды окинул взором

беспорядочно выстроившихся бойцов. На него грозно и с недоверием смотрели усталые солдаты, ещё вчера боровшиеся за жизнь и вышедшие из битвы победителями, те люди, у которых ни на секунду не сходил загар войны с лица. Не надо было быть профессиональным психологом, чтобы прочесть всю боль, написанную на их внешнем виде.

Белоусов не мог безмятежно думать и оценивать условия, в которые неожиданно попал. Его сильно беспокоило, что это задание может оказаться невыполнимым и последним для него. В войсках радиоэлектронной борьбы не было этой грязи, холодного ветра, дурацких приказов и показухи. Там царила логика, наука и глубокое, прозрачное понимание дела.

—Ребят, постройтесь по уставу и познакомьтесь с человеком, ради которого мы тут собрались.

Солдаты спешно привели в порядок свой внешний вид и встали в ровную шеренгу.

—Товарищ капитан, разрешите обратиться? — выкрикнул один из бойцов.

«Чародей» кивнул головой.

—Хоть мы и далеко от линии боевого соприкосновения, но я не сторонник построений под открытым небом, это даёт врагу возможность одним выстрелом избавиться от большого количества живой силы и офицеров, поэтому предлагаю спуститься в казарму и там провести брифинг, — добавил боец, оглядываясь по сторонам.

—Мысль хорошая, «Бонус», но по уставу и инструкции мы не должны в помещениях, не предназначенных для совещаний собираться на обсуждение боевых задач.

—Кто Вам об этом сказал, товарищ капитан? — снова обратился он к «Чародею».

—Товарищ генерал.

—Вот пусть товарищ генерал и идёт в бой в одиночестве, после того, как нас срисует птичка и по нам нанесут упреждающий ракетный удар. Нет противника страшнее, чем начальник идиот.

—Хватит болтать. Давайте быстро расскажу о поставленной штабом задаче и разойдёмся. Сразу говорю, это будет не лёгкая прогулка.

—А когда у нас были лёгкие, товарищ капитан? — снова выкрикнул «Бонус».

—Так. Тише. Пока вы тут скулите, там гибнут наши братья. Мне необходимо выбрать десять добровольцев, которые вместе со мной и капитаном Белоусовым пойдут на выполнение боевого задания на высоту 101.

Солдаты переглянулись и даже негромко разговаривавший с сослуживцем «Болтун» замолчал. В воздухе повисло гробовое молчание. Бойцы держались скованно, они застыли словно статуи, опасаясь, лишний раз пошевеливаться. Неловкую тишину разорвал рёв дальнобойной передвижной артиллерии, букет из «Пионов» и «Акаций», разворачивающихся неподалёку.

—Итак, — продолжил «Чародей». — Желающие участвовать в операции, сделайте шаг вперёд и выйдите из строя.

Никто не вышел и даже не шелухнулся.

«Чародей» пытался сохранять самообладание и не реагировал на резкие высказывания из строя, потому что прекрасно понимал, что всякому человеческому терпению есть предел, силы не бесконечны, а бойцы вправе сделать выбор в пользу заслуженного отдыха. Но в глубине души надеялся на стойкость и железную волю своих подопечных, так как давно знал лично некоторых, стоящих в строю. Более того, в последнее время ходило много слухов по поводу места, куда им предстоит идти. И у военнослужащих сложилась отрицательная картина о высоте 101 и деревне, располагавшейся в небольшом отдалении от неё.

Вдруг «Болтун» решил задать вопрос.

—Товарищ капитан, мы прекрасно осведомлены о ситуации на высоте 101. Если из нас хотят сделать группу прикрытия, мы поднимаемся выше, к элите войск специального назначения и стоим на пороге больших перемен? — выкрикнул «Болтун».

«Чародей» вытянул голову и опустил взгляд на ноги бойца.

—В данный момент ты стоишь в большой куче собачьего дерьма. «Болтун», а ну-ка убери за своей псиной!

—Ну, зачем вы так, товарищ капитан, пёс помогает разминировать местность, жизнью рискует, а вы его оскорбляете. Это не просто пёс, а боевой товарищ, — «Болтун» опустился на колено и заботливо почесал за ухом у собаки.

—В настоящее время твой пёс воюет не в ту сторону, минирует местность и создаёт опасность нежелательного подрыва, — отшутился «Чародей».

—Если ваш запас веселья исчерпан, и вы предлагаете просто сложить головы, то мы с гордостью можем заявить, что у нас веселья ещё в избытке, — вмешался «Бонус».

—За несанкционированные выкрики и рассуждения я вам устрою веселье в расположении. Но чуть позже. Своим вызывающим поведением вы тратите своё и моё драгоценное время. Ближе к делу. Знакомьтесь, — краснея от ярости и еле сдерживая себя от криков, «Чародей» повернулся и указал рукой на офицера, стоящего рядом, — Белоусов Игорь, физик теоретик, специалист по аномальным явлениям. В настоящий момент специалист связи и радиоэлектронной борьбы. Вы абсолютно правы, на высоте 101 происходит что-то необъяснимое, но у вас есть уникальная возможность помочь разобраться в этом специалисту связи и тем самым, помогая Родине, войти в историю. Я не буду вас склонять и уговаривать до потери пульса, мне нужны десять человек. Те, кто считает, что им не по зубам это боевое задание, может возвращаться в расположение и заниматься своими делами. У вас законное свободное время.

В последующие тридцать секунд почти вся рота медленно удалилась, и на месте сбора остались лишь восемь бойцов, решивших участвовать в операции. «Чародей» заулыбался. Он не думал, что хоть кто-то отважится и пожелает участвовать в этой авантюре.

—Если бы к боевому заданию привлекалось одиннадцать бойцов, а не десять, я бы стал тринадцатым воином. Но, увы, и десяти добровольцев не набралось, — подметил Белоусов.

—Прости, что? — в недоумении спросил «Чародей».

—Неважно. Ну что, парни, давайте знакомиться.

Капитан осмотрел всех бойцов и с каждым поздоровался лично, проявляя сдержанность.

—Мы не по своей воле встали на тропу войны, но в итоге она нас приведёт к миру, — выпрямившись, сказал боец с растрёпанной причёской, вставший первым в шеренгу. У него сильно выпирали уши, а тонкие усики торчали в разные стороны, как у бобра.

—Молодец, «Поэт», я знал, что ты не сдрейфишь, — обрадовался «Чародей», и подойдя к нему, похлопал по плечу.

—Или к смерти, — язвительно добавил «Болтун».

—«Болтун», — сделал замечание «Чародей» и грозно бросил взгляд в его сторону.

—«Поэт», а почему ты сказал «к миру», а не «к победе»?

—Всё давно predetermined. Всё будет так, как будет, — ответил «Поэт».

—Неправда, всё будет так, как захотим мы. Главное — желание, — подхватил «Бонус».

—Я вижу, что коллектив нацелен на эффективную работу, — добавил сарказма в дискуссию воин и разгладил усы.

—«Поэт», если тебя всё это достало, так какого черта ты возвращаешься, снова и снова? То после ранения из госпиталя сбежал обратно, то после окончания контракта? Какой по счёту у тебя контракт? Кого ты ищешь? — не унимался «Бонус».

—Я приезжаю сюда за воспоминаниями. Они поддерживают во мне жизнь. Я воюю уже пятнадцать лет. Здесь все мои ребята. Они моя семья. И большинство из них осталось в этой земле навсегда. Жить нужно для тех — кому ты нужен и кто тебя ждёт. А что меня дома ждёт? Там, на гражданке, у меня никого не осталось, кроме старого пса, да ветхой квартирki, поэтому я здесь. Я считаю, что нужен Родине. Кроме неё у меня никого нет. Для меня это слово имеет не просто абстрактное значение. Родина — это ребята, пришедшие сюда по зову сердца.

Если погибну я, значит, жизни сохранят молодые ребята, которых не послали на штурм. А если мне ещё удастся выполнить боевую задачу и вернуться живым, так это вообще праздник! К сожалению, многие не подозревают, какой ценой наступило сегодняшнее утро. И поэтому мы не можем спокойно сидеть на кухне. Нам хочется чего-то грандиозного, за что не жалко отдать свою жизнь.

«Поэт» говорил выверено, точно, чётко, без спешки и суеты, ни капли, не сожалея о сказанных словах.

— Да кого ты обманываешь? Ты просто чего-то ищешь. Ребят расспрашиваешь, а это как, а тот где, куда пропал? — подхватил «Болтун».

— Я ищу выход отсюда. А он как раз там, куда мы направимся.

— Не понимаю твоих умозаключений. Ты бахнул спирта где-то? И когда только успел? — спросил «Бонус» и закачал головой.

Белоусов, словно незванный гость, наблюдал за этим спектаклем.

— Я не подвергаю сомнению мастерство этих воинов, — поделился он с «Чародеем», — но они не похожи на элитный спецназ. Мне говорили о высочайшей подготовке бойцов.

— Ты наверно меня не услышал, Игорь. Мы не спецназ и не разведка, а просто группа быстрого реагирования, прикрытия, зачистки, пехотно-разведывательный штурмовой отряд. Я могу долго играть словами, и называть это как хочешь, чтобы тебе стало понятно.

Приложив вспотевшую ладонь к лицу, не веря в происходящее и закрыв глаза, медленными движениями Белоусов стал массировать виски, чтобы хоть как снять напряжение.

— «Тишина», а ты чего остался? Твоя нога не до конца ещё зажила. Я видел, как ты похрамываешь. И вообще, тебя не узнать. После возвращения из отпуска ты вялый какой-то стал, размяк совсем. Может быть, передумаешь? — поинтересовался «Чародей».

— Я хотел уйти, но меня «Бритва» не пустил. Вцепился в мой рукав как бульдог. Боец стоял с явно потухшими глазами. У него были коротко стриженные волосы, и даже двухнедельная щетина на лице. Форма помятая, неухоженная. Могло показаться, что последние две недели он плохо спал, не жил совсем, а летал в облаках.

— Ты можешь быть свободен. Я отпускаю тебя.

— Капитан, оглянись, — «Тишина» повернулся и показал рукой на оставшихся. — На Ваше задание набралось не так много желающих. Так что, я, пожалуй, присоединюсь к вашей компании безумцев.

— Будь, по-твоему, Петя. Эй, «Бонус», ты громче всех возмущался и решил остаться? — «Чародей» бросил взгляд на бойца, стоящего с краю шеренги.

— Куда вы без меня, товарищ капитан. Я специально всех подначивал. Думал, мне не найдётся места среди лучших воинов.

— Так, так. Все знакомые лица, «Спираль», «Холод», «Гиря», — «Чародей» шёл вдоль шеренги, словно встречая старых друзей. — Рад Вас приветствовать в нашей скромной компании безумцев, как сказал «Тишина». «Гиря», а ты уверен в своём выборе? — он с удивлением осмотрел высокого, крепкого бойца.

— А вы думаете, я слишком растолстел для этого задания? — улыбнувшись, ответил «Гиря».

— Напротив, ты в самый раз нам подходишь. Придётся много двигаться, — подметил «Чародей».

Белоусов неуверенно шёл за командиром, протягивал руку каждому из бойцов для рукопожатия, поочередно вглядываясь в лица добровольцев. Но дойдя до «Гиря», он остановился и раскрыл рот. Белоусов не понимал, как такой бугай мог активно передвигаться на линии боевого соприкосновения, где нужна ловкость и быстрота. Огромная клешня сжала его небольшую ручку, и сомнительные мысли с вопросами вмиг рассеялись.

—Товарищ капитан, а можно подробности узнать, в какую жижу мы вляпались? — снова не сдержался «Болтун».

—Ребята, подробную информацию о боевом задании доведу до вас позже. Через час собираемся на инструктаж в «переговорной». Можете пока использовать свободное время в личных целях. Разойтись, — скомандовал «Чародей» и тут же повернулся к Белоусову.

—Тебе надо осмотреться и разгрузить голову. Позывной у тебя есть? Мне в штабе надо тебя отметить.

—Хм, запиши позывной — «Специалист», чего тут придумывать, раз меня в штабе так обозвали, — быстро ответил Белоусов.

—Принял. Сходи со «Спиралью» в аптеку за лекарствами, соберите посылку для боевой группы. Вот список. Он знает, о чем идёт речь, разберётся. А я пока оформлю бумаги в штабе, как полагается, с учётом участия всех добровольцев. «Чародей» подумал, что именно этот опытный боец, скромно, без страшилок и пафоса сможет быстро описать ситуацию, в которую попал Белоусов и ввести его в курс дела.

—Не буду спорить. Тебе виднее. Ты же у нас командир, — Белоусов спрятал руки в карманы.

—Илья Владимирович, «Спираль», подожди, пожалуйста, — окрикнул «Чародей» высокого, худощавого бойца с приличной лысиной, идущего в расположение. Он остановился и обернулся.

—Слушаю Вас, товарищ капитан, — отозвался солдат, выдохнув с тяжестью, словно сбрасывая неподъемный груз, и бросил взгляд через плечо, в котором читалась вся усталость растерзанной войной души.

—Возьми бойца на воспитание, проведи экскурсию по расположению и зайди на склад медикаментов. Мне некогда с ним ковыряться, в штаб надо бежать. Обезьяны у нас уже есть. Теперь нам нужны пальмы и бананы.

—Есть, провести экскурсию, товарищ капитан. Ну что, Игорь Александрович, — развернувшись и покашляв в кулак, сказал «Спираль» и добавил: «Показывайте, что у вас за рецепт на сегодня».

Белоусов протянул листок со списком медикаментов, которые необходимо было взять на боевое задание, и уставился на своего спутника, сутулого мужичка, изрядно потрепанного ветрами войны, чей облик говорил истории о пережитых бурях.

—Прогуляемся с вами на склад, — «Спираль» вытянул руку, указывая путь, и продолжил: «В полевых условиях медицинское имущество ввиду, отсутствия специальной складской мебели, нам приходится хранить в таре, размещаемой в инженерных сооружениях или полевых укрытиях. Вот туда мы и направимся. Чтобы собрать всё необходимое из списка, придётся переместить некоторые ящики и коробки».

—Я готов на любую работу, чтобы просто пока не думать о том, что происходит.

—Верный подход. Мне довелось краем уха услышать Ваше положение, товарищ капитан. Шептунов, пускающих слухи, у нас хоть отбавляй. Но к вашей проблеме я отношусь с пониманием.

Через мгновение, они оказались на тропинке, ведущей через заросли кустарника к полемому складу медикаментов, закрытому под бетонным укрытием.

«Спираль» не торопясь двигался, точно старик, усталый от хозяйских забот, выверяя каждый шаг, осторожно смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не наступить на внезапные «подарки». Белоусов молчал, погруженный в пучину разочарования, подавая немой сигнал о своем равнодушии ко всему происходящему.

—На гражданке я был фельдшером в сельской больнице. Сейчас — отвечаю за оказание первой помощи в подразделении, в которое вы временно попали. Ну и воюю немного, как все. Не собираюсь вас кошмарить или успокаивать и тем более играть в игру с вопросом и ответом,

мы не в детском саду. Я пока сам не знаю, как выглядит наше боевое задание. Слишком много неизвестных. А вам рекомендую просто успокоиться. По вашему лицу и рукам можно определить, что вы находитесь на взводе. Такое состояние может негативно сказаться на успешном выполнении задачи и подвергнуть опасности личный состав. Подумайте об этом.

Белоусов усмехнулся, и в этой усмешке было лёгкое недопонимание.

—Значит «Чародею» не удалось повлиять на мою позицию, и он специально направил меня к санитару, чтобы тот мне мозг подлечил. Я правильно понимаю?

—Вы ошибаетесь, это не лечение, а просто возможность посмотреть на ситуацию с другой, более глубокой стороны. Поверьте, я знаю, о чём говорю. Да, безусловно, для вас это трагедия, но если мыслить масштабно, ваше положение не кажется такой уж катастрофой на фоне происходящих событий. Вы когда-нибудь участвовали в штурме укрепленных позиций врага без огневой поддержки? — вдруг развернулся он и прошипел сквозь кривые, пожелтевшие от сигаретного дыма, зубы, словно змея.

—Конечно, нет. Я понимаю, куда вы клоните, но моя зона ответственности совершенно другая.

—Если вы мне позволите, я закончу мысль.

—Пожалуйста, — не стал упираться капитан и кивнул головой.

—В случае отказа от задания, а судя по вашему задумчивому виду, подобные мысли вас часто посещают, особенно после построения, вам придётся пройти все процедуры, начиная от ареста и оформления статьи, после которой вас принудят подписать контракт и направят в штурм. А там, мой дорогой, шансов у вас очень мало на возвращение к сыну. Выслушайте меня. Я видел безумный штурм позапрошлым летом собственными глазами. Когда в бой идут неопытные, неподготовленные мальчишки и погибают десятками. Страшно погибают. Один бой и вечность. Зрелище не для слабонервных, и точно не для слабых духом. В тот осенний день я помогал вытаскивать раненых с поля боя вместе с командой эвакуации, оказывал первую помощь, а когда вернулся, целую ночь просидел молча в одной позе, боясь пошевелиться. Рядом разрывался телефон от звонков и сообщений, а я сидел, еле дыша, с закрытыми глазами, пропуская через себя всю эту боль. И, к сожалению, время не вымывает из памяти трагические дни новыми событиями. Их жалобные крики и разорванные в клочья тела до сих пор стоят у меня перед глазами. Война не школа жизни, а испытание и практика. И сейчас я вспоминаю те печальные дни и ваши нудные стоны, словно писк комара, и затем сопоставляю их по уровню проблематики. Вы, конечно, извините меня за откровение и несдержанность, но мне хочется вам врезать, товарищ капитан.

—Невероятно! Я, оказывается, ещё и виноват во всём этом. Мне казалось, вы отреагируете немного иначе, — возмутился Белоусов.

—Если вы надеялись, что вам подставят плечо, чтобы поплакать, то вы ошиблись.

Белоусова удивила позиция «Спираль» и он на секунду даже расстроился, но не подал виду. Он полагал, что к нему проявят немного снисхождения, его будут жалеть и сочувствовать. Но здесь совершенно всё было иначе. Здесь была настоящая война. И на фоне всеобщего хаоса, который творился вокруг, на фоне ежедневных больших потерь, его проблема была ничтожной. Да, он бы мог сейчас наброситься на него и отчитать за субординацию, неуставные отношения и прочую чушь, но после этого разговора и тонкого намёка, он выглядел бы полным идиотом. Наконец-то до него это стало доходить. Он поправил ремень на парадных брюках и поблагодарил «Спираль» за наставление, молча дав понять, что этот урок он усвоил.

Тихий и задумчивый боец почти не разговаривал с Белоусовым. Его ответы ограничивались короткими фразами: «дай», «подай», «положи». После непродолжительного поиска медикаментов по списку, бойцы собрали всё необходимое в две коробки и понесли их в расположение.

Примерно в это же время «Чародей» стоял около двери в помещение штаба, в ожидании приглашения. Совещание затягивалось, и он начал переживать, что драгоценное время, которое можно было использовать на подготовку группы, постепенно таяло. Сейчас это был просто разрозненный боевой отряд без контроля и без понимания, в каких условиях придётся действовать. Он несколько раз стучал, открывал дверь, но его будто игнорировали, не замечали, хотя от их работы зависело многое, в том числе и наступление. Охваченный волнением, «Чародей», расхаживал взад-вперёд, недоумевая, что происходит. И даже начал вслух говорить с самим собой, размышляя об общей обстановке на фронте. Он знал, что на соседних направлениях дела обстоят по-другому. Там командование играло в другую игру и грамотно разыгрывало карты. Ему придавало уверенности такая утончённая работа и тщательное планирование операции штабом, а не тупое забрасывание позиций мясом при лобовом штурме. «Почему у нас так всё беззубо?» — задал он себе вопрос и добавил: «Хоть в другую часть переводись».

Наконец-то дверь распахнулась, и к нему вышел Кравцов, чёрный как грозовая туча с большим запечатанным конвертом в руках, в котором находился приказ о выходе группы на боевое задание со всеми сопроводительными документами.

«Чародей» замешкался и не знал, как сообщить о недокомплекте. Кравцов уже собрался уходить и «Чародей», набравшись мужества, остановил его.

—Товарищ полковник, разрешите обратиться. Тут вышел один нюанс, — неуверенно начал он.

—В чём дело? — разворачиваясь, громко спросил Кравцов. — Что, денег вам в дорогу ещё дать? — отшутился Кравцов, и изобразил подобие улыбки.

—Никак нет, товарищ полковник. Согласно устному приказу генерала Несмехина, в группе должно быть десять бойцов, но у нас набралось только восемь добровольцев. Больше не нашлось желающих.

Полковник поднял глаза к сводам небес, что скрывались за бетонным потолком, и почесал затылок, будто пытаясь расчесать клубок неясных мыслей.

—Не нравится мне это задание. Я вообще не люблю, то, в чем не могу разобраться. Но если есть приказ, его надо выполнять. Хорошо, выделяю тебе ещё двух бойцов. Как раз у меня в запасе осталось двое ребят из любимого, всеми известного, музыкального коллектива, которые болтаются тут уже неделю. Подразделение расформировали, поэтому они ждут новых распоряжений. Им всё равно куда идти. Когда у вас запланирован брифинг?

—Через час, товарищ полковник. Но они...

—Я сообщу ребятам, чтобы они пришли к тебе в «Переговорную». Документы на бойцов выдам позже, — перебил его полковник.

«Чародей» нахмурился.

—Мне надо вкратце знать с кем я иду на боевое задание, чтобы ориентироваться в людях в случае нештатной ситуации, кто на что способен и как среагирует, — быстро проговорил он.

—Бегство, дезертирство ты имеешь в виду? Да что ты себе позволяешь? Это даже не обсуждается! — грозно сказал Кравцов, его голос стал стальным, а взгляд — ледяным.

—Разрешите идти?

—Удачи капитан, — безрадостно посмотрев на «Чародея», он пожал ему руку и зашёл в штаб.

Неожиданный «подарочек», в виде новых бойцов, немного озадачил «Чародея». Не зная людей и их историю, сложно идти одним целым на боевое задание. Однако с другой стороны, помощь неизвестных, но опытных профессиональных бойцов в условиях нехватки личного состава была бесценной, словно глоток воздуха. Выбор оказался невелик. Время было против него и он решил оставить рассуждения на потом, а сначала ознакомится с содержимым вручённого конверта.

Глава 7

Инструктаж

Белоусов вернулся со склада медсанбата в подавленном состоянии, остановился в курилке возле входа в «переговорную», посмотрел на часы и достал сигарету. Он боялся, что постоянный стресс может перерасти в депрессию и старался совладать с нервозностью всеми имеющимися способами. Вместе с капитаном на улице находились ещё несколько бойцов, в том числе и те, с кем ему вскоре придётся идти на боевое здание. «Бритва» — дерзкий молодой паренек, стоящий неподалёку, сделал глубокую затяжку и решил добавить в серое настроение Белоусова немного ярких красок.

—Товарищ капитан, разрешите обратиться? — пригнувшись, подошёл он, словно хищник, подкрадывающийся к добыче.

—Разрешаю, — не поворачиваясь, ответил Белоусов и продолжил пускать дым.

—Вы в курсе, что Вам придётся переодеться в другую форму, — прищурившись, спросил «Бритва», словно испытывая капитана на прочность.

Белоусова тут же охватил страх, и побежали мурашки по всему телу. Действительно, он даже не задумывался, какие перемены во внешнем виде его ждут.

—Плюс ко всему, вам сверху накинута броня, гранаты, дополнительные рожки с патронами и самое главное — пушку. Вооот такенную, — раскинув руки на метр, «Бритва» показал примерный размер оружия. Военнослужащие заулыбались. — Вы как, готовы к этому? А то от вашего гиганта в кобуре толку совсем не будет, случись чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.